

Марат Васильчук: «Делись огнем!»

Бывший руководитель горного и промышленного надзора СССР и России об истории угольной промышленности Донбасса

— **Марат Петрович, всем известен стахановский девиз Донбасса: «Делись огнём!» Расскажите, а как всё начиналось?**

— Судьба свела меня с Донбассом после окончания Харьковского горного института в 1956 году, — рассказывает Марат Петрович. — Я был направлен на работу в Донецкий угольный бассейн на шахты местной топливной промышленности. Был такой трест в Донецке «*Сталинместуголь*» (1944-1959), он располагался в районе Харцызска. В это время шло активное освоение Донецкого бассейна. В 1956-1957 гг. существовала колоссальная потребность в угле, шло мощное развитие экономики, металлургии и было принято решение о строительстве в Донбассе в кратчайшие сроки (1,5-2 года) 100 шахт! Вот в этот район, где велось строительство этих шахт, я и был направлен на работу. Там же находилось шахтоуправление. Затем Министерство местной топливной промышленности было ликвидировано, и нас объединили с союзной промышленностью.

— **А до этого угольные шахты Донбасса не входили в союзное министерство?**

— Было Министерство угольной промышленности Украины, которое располагалось в Донецке. Оно было в системе одного Министерства угольной промышленности СССР. Но чтобы обеспечивать топливом население, было создано Министерство местной топливной промышленности Украины. И в РСФСР было, кстати, такое министерство. А потом они

вместе с шахтами были присоединены к союзной промышленности. По постановлению правительства строилось 100 шахт на выходах угольных пластов на поверхность. Строились они быстро. И хотя срок их службы был невелик, но это дало возможность быстро решить проблему увеличения добычи угля. Позднее, когда я работал в этом районе уже управляющим трестом, все эти шахты – «комсомольские», как их тогда называли, — подверглись реконструкции. Часть из них работает и сегодня. Так что шло активное развитие Донецкого бассейна. Я был молодой, энергия через край, и руководил одной из двух первых шахт, получивших звание Коммунистического труда. Их было две: «Трудовская» и «Коммунист-Новая». Я был начальником шахты «Коммунист-Новая» в составе треста *«Октябрьуголь»*, в который входили и «комсомольские» шахты. А шахта «Коммунист-Новая» стала образцово-показательной шахтой Донбасса.

— А где располагался трест?

— В Харцызске.

— **Партийные органы жёстко спрашивали с руководителей?**

— Руководящая сила партии чувствовалась во всём. Особенно в вопросах подбора кадров. Когда на бюро горкома меня утверждали начальником шахтоуправления, то вдруг обнаружили, что я комсомолец. Секретарем горкома был Архипов Владимир Григорьевич – потом в Москве он стал зам. заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. Ладно, говорит, давайте утвердим, возьмем грех на душу – но если «шкоду» сделает – голову снимем! И ведь как следили! Я предлагаю ряд мер по развитию местоповских шахт, а парторг и председатель шахткома – нет, не справимся. В общем, довели меня до того, что я их послал на три буквы – мол, обойдусь без вашей помощи! А парторг пожаловался в горком. Архипов меня вызывает. Ну я план горных работ взял, показал ему, что есть возможность развития шахт. Он посмотрел, потом говорит парторгу: ты выйди из кабинета. И поворачивается ко мне: «Но я тебе советую – в будущем работников партийных органов никогда не посылай». Много лет спустя уже в Москве готовилось постановление правительства после одной из крупных аварий в Донбассе – повышали зарплату шахтёрам. Я попросил помощника Тихонова – был такой Серебряный Аркадий Григорьевич – помочь и работникам Госгортехнадзора. Он звонит в Госплан и просит включить в постановление инспекторов на уровне заводов главных инженеров шахт. Когда постановление вышло, мне позвонил Архипов – и как врубил: «Ты что, в обход ЦК?! Да к вам начальники шахт побегут на работу!» А я ему: «Владимир Григорьевич, да мы еще не всех возьмем...» Тогда он: «Вот это я плохо сделал, что в молодости, когда ты парторга послал, голову тебе не оторвал!» А ты говоришь! Они всё помнили. И конечно, была серьезнейшая школа резерва кадров.

— **То есть все руководящие кадры утверждались в ЦК?**

— Была номенклатура. Была номенклатура у горкома партии, у обкома партии, у ЦК КП Украины, у ЦК КПСС. Их две категории было: основная номенклатура и учётно-контрольная. Основная утверждалась Политбюро, учётно-контрольная заканчивалась беседой у секретаря ЦК. Он принимал решение. После того, как путем опроса все подписи были собраны, секретарь вызывал и беседовал с тем лицом, которое он назначает. Когда я шел на должность главного инженера треста *«Снежнянантрацит»* — это была учётно-контрольная номенклатура ЦК КП Украины. Управляющий трестом – это была уже основная номенклатура ЦК КПСС. Интересно, что в ЦК утвердили, а потом утверждают на бюро горкома и бюро райкома! Так что это была серьезная система. Я даже тебе больше скажу – Братченко, министр угольной промышленности – однажды, в 1967 году, организовал курсы резерва министра. Отобрал 30 человек молодых ребят – всем было

меньше 40 лет – я тогда работал главным инженером треста «Снежнянтрацит» — и полгода мы были в Москве на курсах: ходили на коллегии и т.д. А после окончания курсов товарищ Братченко всех расставил туда, где ему надо было заткнуть дыру. Все ребята пошли на более высокие должности. Меня назначили управляющим трестом «Октябрьуголь».

— **Значит, можно сказать, что в СССР существовала в высшей степени продуманная школа подготовки кадров?**

— Да, была такая школа, которая начиналась с низов: райкомы, горкомы и т.д. следили за каждым твоим шагом. Шаг влево, шаг вправо – выговорняк, и тебя как руководителя забыли... Ведь решались колоссальные государственные задачи, например, обеспечения топливом страны. Под это выделялось соответствующее финансирование. Ведь чтобы эти шахты построить, нужно было собрать огромное количество народа. Шахты так и назывались: «Дрогобычская-Комсомольская», «Житомирская-Комсомольская», «Донецкая-Комсомольская», «Крымская-Комсомольская» — именно из этих мест и привлекался народ для их строительства.

— **То есть огромный приток людей в Донбасс начался именно в 1950-1960-е годы?**

— После войны. Но в этом притоке, я тебе скажу, были всякие. Когда произошли события в Новочеркасске, то в Кировске – раньше он назывался Крестовкой – тоже была крупная заваруха. На одной из шахт произошел смертельный случай. А ведь сброд был такой – ни родных, ни близких – и этого мужика додумались положить в гроб в чистой спецовке. Всё это стало известно братве, и началась заваруха. И уже через 2 часа «Голос Америки» во всю кричал о событиях в Крестовке, обстановка нагнеталась так, что 4 дня все шахты не работали. Пока не выявили всех зачинщиков и не начали бить морды этим бандюгам, которые провоцировали людей – наверное, среди них были и оуновцы и все остальные. А еще, там был летний кинотеатр, и падлюка киномеханик из пистолета в толпу стрелял. Так что район был не простой. У меня на шахте «Коммунист-Новая», а это шахта Коммунистического труда, среди рабочих было 40 человек бывших оуновцев. КГБ конечно знало. Часто Гусев Арсений Иванович, начальник КГБ города, звонит мне: «Марат Петрович, товарища такого-то Вы переведите пожалуйста на такой-то участок...» Потому что этот товарищ приглядывал за этой публикой. И они вели себя нормально, и работали активно. И даже был такой случай – я уже работал начальником комбината. На шахту «Донецкая-Комсомольская» вдруг приезжают автоматчики и арестовывают главного бухгалтера. Оказывается, этот бухгалтер во время войны был карателем где-то в Белоруссии. После войны во время колоссального перемещения рабочей силы он растворился, получил образование и работал бухгалтером. Поехал в Белоруссию – там его кто-то узнал в магазине, сообщил в КГБ, те отследили, приехали и забрали. Вот такая публика строила эти шахты.

— **У меня отец работал и дружил с Виталием Федотовичем Никитченко, в 1954-1970 годах Председателем КГБ Украины. Я знаю, что он относился к украинскому национализму как к серьёзному явлению и использовал в борьбе с ним не только острые методы, но и переговоры, компромисс. А когда Вы впервые столкнулись с проблемами промышленной безопасности?**

— Когда я работал начальником шахты «Коммунист-Новая» — это в Донбассе была очень опасная шахта по внезапным выбросам: на шахте в год было 105 внезапных выбросов угля и газа. Но за все время у меня ни один шахтер не погиб. А производительность труда была 60 т в месяц – самая высокая по Донбассу (только в «Красноармейскугле» была близкой).

У нас было много механизации, автоматики, система конвейеризации. Поэтому приходилось очень много заниматься вопросами безопасности – дисциплина была на шахте высочайшая. Не дай бог во время взрывных работ кто-то посторонний оказывался в шахте – это было ЧП на шахте и сразу становилось предметом разбора с жесточайшими выводами. А в «Снежнянантраците», хотя шахты там были не газовые, но была авария – главного инженера треста сняли с работы, а меня назначили вместо него. А там очень старый угольный район, свои кадры. Оттуда вышел Засядько Александр Фёдорович, министр угольной промышленности СССР и заместитель Председателя Совета Министров СССР – кстати мой шофер, который возил меня в «Снежнянантраците», до войны работал на участке Засядько смазчиком – была такая должность. А Засядько, кстати, механик по образованию. Район конечно очень интересный, с богатыми горняцкими традициями, но более старый, шахты отрабатывались, запасов уже не было, и у меня процентов 30 времени уходило на работу с главным геологом. Мы все время искали дополнительные запасы угля, чтобы продлить жизнь району. На той же шахте №10, где работал Засядько, был не очень рабочий вскрыли этот пласт, повернули горные выработки и лавы начали готовить по восстанию. Схема вскрытия оказалась очень удачной, и в течение года эту шахту от нуля добычи мы развили до 1,5-2 тыс. тонн в сутки.

— А что представлял из себя город Снежное?

— В свое время это был угольный город, моногород – других производств там не было. Но плановая система хозяйства позволяла своевременно регулировать процессы трудоустройства людей, жилья, производства. Закрылась шахта №18А им. Сталина, кстати, ордена Ленина, и Запорожский авиационный завод на базе ее открыл цех по производству лопаток для реактивных двигателей. Цех имел свой вертолет, и они два раза в сутки в Запорожье отвозили эти лопатки. Затем построили в городе завод химического машиностроения – он даже выпускал пароперегреватели для атомной промышленности. Это было плановое использование рабочей силы, высвобождавшейся на шахтах. На базе наших центральных мастерских, где работало свыше 1 тыс. человек, развился станкоремонтный завод – А мы купили станины в Москве на «Красном пролетарии», и начали не только ремонтировать токарные станки, но и выпускать новые станки для угольной промышленности. В тресте был кирпичный завод (еще один был только в «Интауголь»), и на его базе в городе развилось производство керамзита. Закрывалась шахта – помещения использовали для швейного производства. Это всё было плановое, и позволяло использовать рабочую силу. А теперь что? Что теперь с моногородами? Теперь они гибнут. А плановая система нам позволяла их развивать.

— В Снежном ведь расположен легендарный курган Саур-могила, господствующая высота, где проходил «Миус-фронт» укрепленный оборонительный рубеж вермахта во время Великой Отечественной войны. Общие потери Красной Армии при его штурме составили более 800 тысяч человек. Вы ведь принимали самое активное участие в создании мемориала на Саур-могиле, ныне разрушенного.

— Да, там погибло очень много наших солдат. И самими шахтерами был брошен клич отработать 2 дня на памятник. В этом месте на 9 мая всегда стихийно собирался народ. Я даже был очевидец такого случая. Сидит старушка, у неё узелочек, что-то покушать. Я спрашиваю, откуда вы приехали? Отвечает: из Челябинска, сын у меня тут погиб. Всё это брало за душу, и 2 дня шахтеры отработали бесплатно к 25-летию освобождения Донбасса. Но нужно было разрешение Совмина – послали главу Горисполкома г. Снежного Лазарева Александра Марковича в Киев, он привез все необходимые документы, заказали у архитекторов проект – и начали строить. И вот в 1967 году на открытии памятника было 300 тыс. человек. Построили туда специально дорогу 16 км от Снежного. Еще был жив

Юрий Борисович Левитан – поехали к нему и записали у него Приказ Верховного Главнокомандования об освобождении Донбасса. Съехались все генералы, которые принимали участие в этих боях, и весь город жил этим событием. Не обошлось и без ЧП: когда оставалось 10 дней до открытия, поднимали голову статуи солдата – порыв ветра, голова ударяется о стелу и раскалывается. Сразу связались с консультантами в Киеве, хорошо что форму они еще не разобрали – отливайте новую. А то бы разбили мою – ведь всё уже было задействовано, отменить ничего нельзя. А старую голову завод химического машиностроения – там через зам. министра вызвали откуда-то сварщиков, которые могли варить чугун – сварили, зашлифовали, покрасили, получилась как новая – поставили ее у входа в музей.

— **Я вот думаю, Марат Петрович, сколько же души было вложено в этот памятник, и сколь же бездуховны те «люди», которые сегодня эти памятники уничтожают.**

— Да, именно обидно. В этот памятник вложено столько сил. Там же Дегтярев В.П. — секретарь Донецкого обкома, в прошлом тоже горняк, приезжал и лично все контролировал. Помню, уже на завершающем этапе приезжает – мол я в берлинском Трептов-парке был, какие там надписи – а у нас что? Сразу нашли поэтов... Стоим наверху, а у основания холма сделали киоски, чтобы народ покушать мог. Он спрашивает: «Ну что, водкой будем торговать?» Я говорю: «Ну как же, Владимир Иванович, такое событие, шахтёры нас не подведут, конечно надо торговать». Тогда он: «Ну хорошо, быть по сему – но только под твою ответственность!» И всё прошло на высшем уровне. Так что вот это колоссальная обида, что вот теперь всё это уничтожено. Там проходили все областные праздники – 9 мая и День освобождения Донбасса. Когда съехались генералы, встал вопрос: как их принимать? По совету Артёма Фёдоровича Сергеева (приёмного сына Сталина) поехали в Артёмовск, взяли там штабную палатку, поставили, накрыли в ней столы. Как в результате выяснилось, каждый из генералов считал, что если бы не он – то войну бы проиграли.

— **А что было дальше? Когда началось проектирование сверхмощных шахт?**

— Вначале меня вернули назад в Харцызск, но уже управляющим трестом. И опять главная задача была: развитие, увеличение добычи, строительство. С этой целью объединили два треста — «Октябрьуголь» и «Шахтёрскантрацит» и меня назначили начальником комбината. Проектирование шахты «Комсомолец Донбасса» началось в конце 1960-х годов. Было постановление ЦК и Совмина о развитии Донбасса и мне удалось включить в это постановление строительство двух шахт: «Комсомолец Донбасса» и «Шахтёрская-Глубокая». При проектировании шахты «Комсомолец Донбасса» удалось добиться, чтобы стволы шахты были пройдены в самую глубокую точку шахтного поля – 800 м. Я подписал в ЦК бумагу, что оригинальный проект и всё такое. И потом, когда шахту построили, за 7 лет – я уже был в округе, – пришло поздравление от Брежнева, и в нём говорилось, что «шахта построена по оригинальному проекту». В Кировске для «Комсомольца Донбасса» построили 100 тыс. кв. метров жилья, и потом еще раз столько же. И шахта и сейчас работает! Там была заложена идея, чтобы отработать пласт л3, прекрасный пласт, известняк в кровле – но вначале надо было снять пласт л4 и только потом работать л3. Для дегазации, и главное – не подработать л4, который был выше.

— **Но ведь всё это – огромные инвестиции: шахта стоила порядка 360 млн. рублей теми деньгами! Потом всё это было «приватизировано» — и мы еще удивляемся, откуда берутся олигархи. То есть деньги из государственного просто переложили в частный карман.**

— Меня возмущает, что вот теперь этому капиталисту Ахметову не нужно ломать голову, не нужно вкладывать деньги в нижние горизонты. Они уже пройдены, остается только вести подготовительные работы, вся основа была заложена тогда...

— **То есть Вы всё сделали, потом пришли они, и начали выкачивать заложенные в проекте инвестиции, ничего при этом не вкладывая – разве что для видимости раздавая подачки под видом благотворительности...**

— Я тебе больше скажу о всей этой приватизации: если бы мы тогда не построили, что бы они сейчас воровали? Им бы воровать нечего было. А вкалывали, ни дня, ни ночи покоя не было. Что досталось нашему поколению? Война досталась – в детстве. Детства у нас вообще не было. Учёба была в фуфайке. Благо что стипендия была 395 рублей – на нее можно было жить. А работа была – в деревню глухую попал, — ни дорог, ничего. Амнистия была – бандюги съехались. Помню, сидим мы в 1957 году – прибегает уборщица: там возле клуба голову отрубили. Приходим – и правда: лежит тело, а метрах в трех – голова, лысая такая. Один бандюга другому отрубил голову. Приехал участковый, пошли на поиски, я участковому говорю: ты подожди, кого-то поставь рядом, а то собаки голову утянут – нам потом будет с тобой. Он одному: «Ты стой тут!», а тот: «Я боюсь...» Пришли в общежитие, где жил этот убийца. Народа набилась целая комната, и вдруг дверь открывается, и входит с этим окровавленным топором на плече мужик. Все чуть стенку на улицу задницами не выдавили. Он говорит: «Я уже никого не буду, не бойтесь...»

— **То есть он пришел сдаваться?**

— Да, пришел сдаваться властям. А что у них произошло? Два вора, два бандита, по амнистии меня заставили взять их на работу. Я до сих пор помню – Колков фамилия его, этого бандюги – два брата их было. Они поспорили: кто из них больше вор. И поехали в воскресный день в Донецк – тут в поселке они никого не трогали. Поехали туда, состязались, и вот один поспорил другому – меньше украд за этот день. Тот взял топор и голову ему отрубил. Так это же всё пришлось пережить. А дальше? Сплошная работа, где ни дня, ни ночи покоя не было, всё время с колоссальным напряжением, под прессом. А что мы видели в жизни? Кроме работы ничего. Правда работали, создавали, чего-то достигали, и тут на безопасности что-то сделали. Я всё это веду к тому, что мы обеспечили развитие этих районов. Ведь в Шахтёрске тоже кроме угля ничего не было. Но в шахтах работало 400 женщин. Меня все время за это пытались наказать. А депутатом Верховного Совета СССР от Шахтёрска и Енакиево был космонавт Береговой Г.Т. Мы ему записали в наказ: построить в Шахтёрске швейно-трикотажную фабрику. И он добился, дали нам эту фабрику на 3 тыс. работников. Привлекли шахтостроителей – построили эту фабрику. Правда ни одна женщина с шахты не пошла туда работать. Пришлось построить еще профтехучилище для девчушек. Потом при капитализме всё это ликвидировали, но тогда шло активное развитие, активное строительство всего. В том же Кировске мне довелось построить профтехучилище для подготовки шахтеров. И я планировал на базе него сделать техникум, и затем филиал института, чтобы иметь свои кадры. А потом этот удар перехода к рынку, к этому капитализму, развалу Союза – и конечно это чрезвычайно обидно видеть. А теперь докатились и до войны. Тем более, что все эти бои попали в район Кировска. Вот «Коммунарская», где показывали эти трупы найдены – это тоже входило в состав «Октябрьуголь». Там чем интересна шахта – прошли диагонально-наклонный ствол, положили на него конвейер, этот ствол вышел в центр запасов, а погрузочная площадка на поверхности осталась старая. И вот показывали, где шахтеры по конвейеру едут – это все тоже довелось строить. Так что обидно, что всё, что создавалось таким непомерным трудом, теперь подвергается уничтожению.

— **Даже из того, что Вы рассказали, становится ясно, что на Донбассе был построен комплекс, который сам себя обеспечивал, который имеет свою уникальную историю, которая не только является историей Украины, а является историей Советского Союза.**

— Что касается самодостаточности. Надо ведь было кормить народ. У нас были ОРСы. У них на откорме было 3 тыс. голов свиней. Как где проблема – в том же Кировске – 100 голов отвезли на мясокомбинат, мясо получили и проблему закрыли. Но тогда свинина в магазине стоила 1 руб. 80 коп., а нам она обходилась в 5 руб. 60 коп. А дотация за счет чего? Одну шахту закрыли – №24, как раз рядом с «Коммунарской», и на базе этой шахты сделали маленький заводик по производству безалкогольных напитков, т.е. «Ситро», «Квас» и т.д. А надо сказать, что в Донбассе с водой величайшая проблема, особенно летом. И доходы от этого «Ситро» полностью покрывали убытки от свиноводства. Зачем мне как начальнику комбината было этим заниматься? Но это действительно было самодостаточное хозяйство. Но опять-таки подчеркиваю: всё это было планоно, все это было с позиций интересов государства – но не с позиций интересов Ахметова. Вот тот же «Комсомолец Донбасса» — я хотел сказать, почему обида. Было 25 лет шахте – хоть бы чёрт, дьявол пригласил – я бы конечно не поехал – никто ничего... А основа в проекте заложена надежная.

— **А как Вы перешли на работу в Госгортехнадзор?**

— В свое время зав. угольного отдела обкома партии Тарасенко Василий Константинович, умнейший, порядочнейший человек, звонит – мы тебя записали в резерв на начальника управления Донецкого округа Госгортехнадзора. Я говорю: «Ну зачем, это ж такая должность, что там всегда можно быть виноватым». Это было в 1972 году. Происходит какая-то авария, моего предшественника снимают, и меня переводят с начальника комбината начальником округа. Но чтобы заниматься безопасностью, конечно нужно было преодолеть большой психологический барьер. Потому что мы привыкли к тому, что давай больше – то, что было добыто сверх плана – уже сгорело, как нам говорили, давай еще! А тут нужно было останавливать, надо было запрещать. А в подкорке давило – как же это потом восполнить?

— **То есть любое выявленное нарушение безопасности – и шахта останавливается.**

— А еще хуже не остановить – произойдет авария. И я заметил: когда в Донбассе происходили крупные катастрофы – в целом по региону происходило падение добычи тысяч на 20-30 в сутки. И потом эти потери не восстанавливались. Потому что после катастрофы более активно работали надзорные органы, и более осторожно начинали работать сами производственники. Так что не простая это работа. Практически не было ни одного выходного дня: то тут авария, то там неполадка. Я проработал в Донецком округе с 1972 до 1979 года, и это была колоссальная школа. Там было много и горнорудного производства, и металлургического, и химического – контролировалась вся промышленность. А потом, как было тогда принято, снова позвали в ЦК – иди в Москву. Но тогда этот психологический переход от хозяйственника к надзорному работнику у меня уже произошел. Я 7 лет проработал, ходил за трупами – все кладбища в Донецкой области, к сожалению, знал. Ну а здесь и масштабы конечно другие, и задачи другие. А теперь после меня было уже 5 председателей Ростехнадзора – не знаю, что они делают, как разваливают – надзора нет. Но главное – что же будет дальше? Ну начнет промышленность работать – а система надзора развалена. Начнутся катастрофы, начнутся аварии.

— **Когда несколько лет назад мы занимались вопросами безопасности олимпийской инфраструктуры в Сочи, то были у председателя Комитета Совета Федерации по**

природным ресурсам Виктора Петровича Орлова, бывшего министра геологии России. Я обратил его внимание на то, что сейчас нет единого подхода к безопасности в горной сфере, на что он сказал, что все шахты сегодня в частной собственности, и мы только выставляем лицензии на тендер – после того, как объект куплен, влиять на него мы не можем.

— Ну Андрей, не мне тебе рассказывать – а горная полиция в Германии, там ведь частная собственность?

— **Да, там инспектор может прийти на любое предприятие в любое время, и, в случае нарушений, закрыть его. А у нас инспектора скорее всего и на порог не пустят.**

— У нас действует лозунг: «Не кошмарьте бизнес!» А бизнес кошмарит страну.

— **Но давайте в заключении вернемся к Донбассу.**

— Во-первых, меня беспокоит, что во главе этих процессов, которые там сейчас происходят, стоят совершенно незнакомые люди. Тот же Захарченко. Что это за люди, что у них за спиной? И какая у них программа. Ясно, что вместе с украинским правительством они жить не будут. После того, что те натворили, вместе жить очень тяжело. Но как жить, какую систему выстраивать? И главный вопрос: а кто же будет собственником? Вот я недавно был на конференции в Крыму, и даже удалось посетить родную деревню, где прошло босоное детство: всё уничтожено. Выращивали табак, выращивали фрукты, выращивали овощи. Теперь гордость этой деревни – ослиная ферма. Ослов выращивают. Поэтому необходима программа и в Крыму, и в Донбассе. А что же будет после? Уголь, если они будут самостоятельными – их уголь конечно никакой конкуренции не выдержит. Ну может быть несколько шахт смогут существовать. Но в остальном в составе России в силу горно-геологических условий дешевого угля там не будет. Никогда. Угольная промышленность Донбасса всегда была дотационной. Но Донецкая область давала 21 % союзного производства стали, тяжелое машиностроение. А сейчас вся эта инфраструктура разрушена. Кто будет восстанавливать? Как будут восстанавливать это? Об этом же нужно думать уже сегодня. У Украины духу не будет восстановить то, что натворили. Россия? И опять же, возвращаясь к кадрам, хочется спросить: а кто же там будет все это делать? Потому что Донецкая область всегда отличалась высоким уровнем руководителей. Я имею в виду и партийных, и хозяйственных. Чтобы работать с Дегтярёвым, нужно было иметь о-го-го сколько за плечами. Не один министр вышел из Донецкой области. А что будут строить? Будут продолжать капитализм строить, или будут переходить к каким-то другим формам собственности? Ведь за эти годы и кадры, и психология развалились. Сейчас кадры – как украсть, как обогатиться. А у нас и мысли такой не было. Мысль была одна – вот там надо горизонт построить, там надо завод поставить, там – дом, здание, там – вентилятор. Вот об этом у нас мысль была. Была мысль только на развитие.

— **Конечно сейчас на первый план выступает национально-освободительная борьба с оккупантами, западными марионетками Киева.**

— В своё время первый бой неолиберализму дали английские шахтёры. Маргарет Тэчер стала первым политиком в истории послевоенной Европы, развернувшим широкое наступление на права трудящихся. В 1984-1985 гг. произошла грандиозная забастовка английских шахтёров против антинародной политики западных монополий. Так вот советские шахтёры безвозмездно отработали один день в фонд помощи борьбы английским трудящимся. А вот сегодня, когда трудящиеся Донбасса сражаются за свою свободу, где помощь наших крупнейших угольных компаний, таких как «СУЭК», «Мечел»,

«Северсталь-Ресурс» и других? Где солидарность трудящихся? Поэтому моё мнение предельно простое: надо сделать детальный анализ состояния экономики после того, как в ней очень активно поработали по её разрушению «Агенты влияния». Определить пути её восстановления. В Донбассе в комбинате «Артемуголь» управляющим треста работал Гольба Владимир Никитович, так он одному начальнику шахты говорил: «То, что шахта выполняет план. Ты не виноват». Это можно отнести и к нашим руководителям парвительства. Всё зависит от цен на нефть. Времени прошло достаточно, чтобы экономику направить в нужное русло. Для этого необходимо, чтобы во главе крупных подразделений стояли не менеджеры, а специалисты. Надо иметь ввиду, что санкции – это надолго.

Беседу вёл Андрей Ведяев

Источник: <http://nvdaily.ru/info/57601.html>